

The first exhibition of «BornHouse» took place at the former department of sculpture at the Moscow Architecture Institute, once the legendary Vkhutemas. Before that it housed the Stroganov Imperial Institute of Industrial Art, and even earlier the building – a late eighteenth-century design of the great Russian architect Matvei Kazakov – was the Medical and Surgical Academy, which trained more than two thousand doctors and pharmacists in a little less than a century. In 1913 a new building was added to the Stroganov Institute – an exemplary concrete structure, designed by civil engineer Alexander Kuznetsov in the style of Art Nouveau. A year after construction was completed, World War I broke out, and the building was converted into a hospital. The new institute's exhibition pavilion, obviously intended for large-scale sculpture, became a chapel, soon thereafter named the church of St. Nicholas. When the war ended, church services did, too, and the building resumed its artistic function. Vkhutemas, or the Higher Artistic Technical Studio, was established here in 1918. It stood alongside the German Bauhaus as one of the world's leading schools of design, a cradle of twentieth-century architecture. Vkhutemas laid the foundation for the world's first modern system of industrial art education; its faculty included leading figures of modernist architecture such as Nikolai Ladovsky and Ivan Leonidov. When the former Stroganov Institute was renamed the Moscow Architectural Institute, the painting studio in the old chapel was refitted for sculpture. The famous photographs of the Vkhutemas studios that inspired «BornHouse» were taken on the next floor up; they show rows of clay models erected on stools – explorations of new architectural forms. Thus the building's real and imagined histories married medicine and architecture, sculpture and religion. The exhibition hall became a chapel; the chapel where victims of war were mourned became an art studio; the studio eventually resumed the space's original role as an exhibition hall. Here, by some miracle, the birth of new form met with healing and with death. The genius of place imbued the creative act with sacred properties.

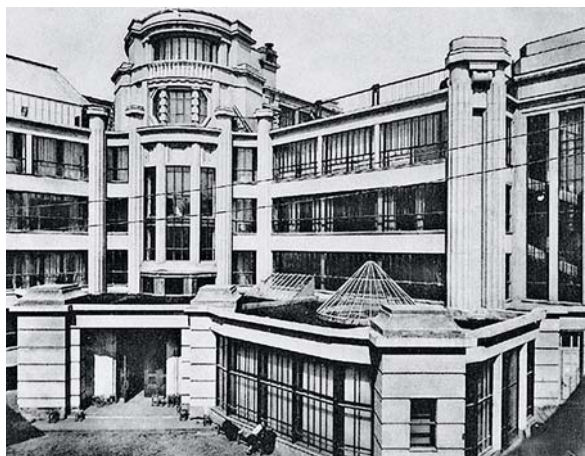
The San Stae church in Venice, unlike the Moscow Architecture Institute, was not specially selected as an exhibition site. It came about by chance, and does not have the same kind of layered history as the first site of «BornHouse.» The Scuola Grande di San Marco carries full responsibility for medicine in Venice, while San Stae, like many of the city's churches, has always been a glorious temple of painting and sculpture. Arranging stools with architec-

Первая выставка РодДом проходила на бывшей кафедре скульптуры в Московском Архитектурном Институте, бывшем легендарном Вхутемасе. А еще раньше здесь располагалось Императорское Строгановское художественно-промышленное училище, а до него в доме, построенном великим русским архитектором Матвеем Казаковым в конце XVIII века – Медико-хирургическая академия, которую за время ее без малого столетнего существования окончило более двух тысяч врачей и фармацевтов. В 1913 году к существующему зданию Строгановского училища было решено прибавить новый корпус – образцовое железобетонное здание, возводившееся по проекту гражданского инженера Александра Кузнецова в стиле ар-нуво. Уже через год после завершения строительства, с началом Первой Мировой войны здание работало как госпиталь. В выставочном павильоне нового училища, очевидно предназначенном для крупноразмерной скульптуры, первым делом разместилась часовня, скоро преобразованная в церковь св. Николая Чудотворца. С окончанием войны службы закончились, и здание вернулось к сугубо художественной жизни.

В 1918 году здесь был основан ВХУТЕМАС (Высшие Художественные Технические Мастерские), ставший наряду с немецким Баухаузом первой в мире школой дизайна, колыбелью архитектуры XX века, здесь впервые в мире были созданы основы современной системы подготовки художников-конструкторов, в нем преподавали звезды модернистской архитектуры Николай Ладовский и Иван Леонидов. А в бывшей часовне возникла сначала живописная, а впоследствии, когда после очередного переименования бывшее художественно-промышленное училище графа Строганова стало Московским Архитектурным институтом, скульптурная мастерская. Знаменитые фотографии вхутемасовских мастерских, на которых изображе-

ны ряды водруженных на табуреты пластилиновых моделей – поиск новой архитектурной формы – сделаны всего этажом выше. Таким образом в рассказанной и существующей истории зданий нынешнего архитектурного института встретились медицина и архитектура, церковь и скульптура; выставочный зал превратился в часовню, часовня, в которой отпевали жертв войны стала художественной мастерской, и опять вернула себе статус выставочного зала. Каким-то удивительным образом здесь встретилось рождение новой формы с лечением и упокоением человек. Так, благодаря гению места, сам акт рождения приобрел сакральные свойства. Церковь San Stae в Венеции, в отличие от архитектурного института в Москве, специально, как выставочная площадка, не выбиралась, а возникла самой собой. За медицину в этом городе несет ответственность Scuola Grande di San Marco. Как многие венецианские церкви Сан-Стае (церковь святого Евстафия) является великолепным храмом живописи и скульптуры. Расставить в ее пространстве «табуретки» с архитектурными моделями по примеру Вхутемаса невозможно – церковь не мастерская. Единственно возможной архитектурой в соборе могла стать временная архитектура «preserio», вертепа, посвященного Рождеству Христову, и возникающая в европейских соборах на праздник рождества. Вертеп РодДома или Дома Рождения оставлен пустым, без рождественских сцен – все выставочные экспонаты спрятаны в его кружевных стенах. Единственно возможным местом для размещения вертепа стал центр геометрический, в котором в Сан-Стае покоится прах венецианского дожа. И вот здесь опять, снова рождение встречается с упокоением. Nomen et Cineres una cum vanitate sepulta – высечено на надгробной плите дожа: «Благородный прах в тщеславном погребении».

То есть, в нашем случае, архитектура принадлежит своему времени, как рождение и смерть – вечности.
Юр. Аввакумов,
Москва – Венеция, 2008

tural models, like at Vkhutemas, would be unthinkable in San Stae – a church is not a studio. The only architecture a church could accommodate would be the temporary architecture of the presepio, the crèche that appears in European churches at Christmastime. «BornHouse» has a crèche, but it is empty, without a nativity scene. All the works are tucked in the intricate woodwork of its walls. The only place for the crèche was the church's geometric center, which in San Stae holds the remains of a Venetian doge. Here, once again, birth meets death. *Nomen et Cineres una cum vanitate sepulta*, reads the inscription carved on the doge's tomb – «Name and ashes come together in vain burial.» In other words, architecture belongs to its time, birth and death – to eternity. Yuri Avvakumov, Moscow – Venice, 2008

**Stroganov Institute –
Vkhutemas, 1910s – 1920s**
Строгановское училище –
ВХУТЕМАС, 1910–1920-е гг.